

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ*

Ирина Владимировна ВЯКИНА

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления производством,
Тверской государственный технический университет, Тверь, Российская Федерация
vyakina@yahoo.com
<https://orcid.org/0000-0003-1925-2286>
SPIN-код: 2205-6788

История статьи:

Получена 16.08.2018
Получена в доработанном
виде 04.09.2018
Одобрена 28.09.2018
Доступна онлайн
14.12.2018

УДК 330.341

JEL: O11, O13, Q01, Q56,
Q57

Ключевые слова:

экономическая
безопасность,
национальная
безопасность, устойчивое
развитие, национальные
приоритеты, здоровье
населения

Аннотация

Предмет. В последнее время произошло значительное смещение акцента от традиционных подходов к национальной безопасности к более размытым формам определения данного понятия в рамках концепции устойчивого развития. Речь идет, в частности, об экономической и экологической безопасности.

Цели. Систематизация и теоретическое обобщение концепций экономической безопасности и устойчивого развития, обоснование их взаимосвязи в условиях ограниченности ресурсов. Исследование социальных и экологических угроз обеспечения устойчивого развития и экономической безопасности.

Методология. В процессе исследования использовались такие традиционные общенаучные методы, как анализ и синтез, наблюдение, индукция и дедукция, системный подход, графический метод.

Результаты. Выделены ключевые характеристики, объединяющие научные подходы к проблеме экономической безопасности и концепции устойчивого развития. Выявлены проблемы в социальном и экологическом аспекте, угрожающие устойчивому и безопасному развитию. Раскрыты угрозы экономической безопасности, связанные с проблемой дифференциации доходов, здоровьем нации и эффективностью оказания лечебно-профилактической помощи населению в Российской Федерации.

Выводы. Решение проблем экологии и здравоохранения направлено на сохранение условий и возможностей жизни и здоровья для будущих поколений. Осуществление хозяйственной деятельности по принципу максимизации дохода с ориентацией на чисто экономические интересы непригодно для экологии Земли и здоровья людей. В связи с этим перед обществом стоит задача обеспечения дальнейшего социального и экономического развития при сдерживании экологической и социальной деградации, при этом использование системы мотивации, в том числе основанной и на материальных стимулах, является важнейшим инструментом для достижения поставленных целей.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2018

Для цитирования: Вякина И.В. Социально-экологические аспекты экономической безопасности в рамках концепции устойчивого развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т. 14, № 12. – С. 2259 – 2276.

<https://doi.org/10.24891/ni.14.12.2259>

В последней четверти XX в. проблемы разрушения экосистем, необходимости сохранения биоразнообразия и биосферы Земли, пределов роста численности населения и его хозяйственной активности, справедливого распределения ограниченных

ресурсов и социального неравенства стали предметом обсуждения мирового научного сообщества. Социальные и экономические проблемы, наряду с экологическими, тесно связаны с ростом активности человечества из-за глобализации экономики и расширения информационных потоков. На протяжении практически всего длительного периода

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00083.

человеческого существования на планете взаимодействие с окружающей средой происходило в местном или региональном масштабах. В настоящее время феномен масштабных глобальных изменений проявился также и в глубокой трансформации земной среды, обусловленной деятельностью людей.

Социальные угрозы устойчивого и безопасного развития рассматриваются в контексте благосостояния людей. Глобальные изменения окружающей среды и климата, разрушение экосистем, уменьшение биоразнообразия и разнообразия экосистем, истощение природных ресурсов часто связываются с увеличением социального неравенства и социальной дифференциации, в том числе в глобальном и страновом аспектах. Демографические проблемы проявляются в росте рождаемости в бедных, перенаселенных и развивающихся странах, способствующем росту конфликтов, миграции населения, экстремизму и терроризму.

Целостность природных систем и сохранение их жизнеобеспечивающих функций определяет качество жизни человечества, здоровье населения Земли и оказывает влияние на демографическую ситуацию в будущем. Развитие предполагает качественное улучшение и трансформацию. Понятие «устойчивое развитие» получило распространение после доклада «Наше общее будущее» (доклад Брундтланд) Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития Генеральной Ассамблеи ООН (1987 г.). Согласно этому документу, развитие имеет устойчивый долговременный характер в том случае, если дает возможность как нынешним, так будущим поколениям возможность в полной мере удовлетворять свои потребности¹.

В российском информационном поле английское словосочетание *sustainable development* было трансформировано в термин

«устойчивое развитие», который вошел в оборот с переводом указанного доклада. Английский термин *sustainable* имеет значения: «поддерживаемое на определенной скорости или уровне», «защищенное или укрепляемое». Отсюда ряд исследователей смысл словосочетания *sustainable development* трактуют как «поддерживаемое развитие», что связано с целенаправленной организованной деятельностью людей.

В наиболее употребляемом смысле концепция устойчивого развития объединяет в себе три основных аспекта: экономический, социальный и экологический. Экономическая составляющая подразумевает эффективное использование ограниченных природных ресурсов в аспекте ресурсосберегающих технологий и методов производства. Социальная составляющая устойчивости развития предполагает обеспечение социальной стабильности, справедливого распределения общественного продукта, ресурсов и возможностей, а также недопущение конфликтов и чрезмерного социального расслоения. С экологической точки зрения, устойчивое развитие направлено на сохранение целостности и жизнеспособности биологических природных систем, биоразнообразия и разнообразия экосистем, восполнение природных ресурсов.

Такие концептуальные российские нормативные акты, как Экологическая доктрина Российской Федерации (одобрена распоряжением Правительства РФ от 31.08.2002 № 1225-р) и Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. (утверждена Указом Президента РФ от 19.04.2017 № 176) определяют стратегические цели российской государственной политики в области экологии.

Обеспечение как экономической безопасности, так и устойчивого развития основывается, с одной стороны, на наличии ресурсов и материальных возможностей, достаточных, чтобы гарантировать защиту и развитие, а с другой – проявляется в осмысленных и организованных действиях

¹ Наше общее будущее: доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития (доклад Брундтланд). URL: <http://un.org/ru/ga/documents/gakey.shtml>

людей, направленных на осуществление установленных целей и принятие превентивных мер.

В то же время, как отмечает Н.В. Юдин [1], исследователи, занимающиеся проблемами безопасности и развития, опираются в основном на официальные публикации развитых в экономическом отношении стран и международных организаций, занимающихся оказанием помощи развивающимся государствам. Очевидно, что такие документы содержат официальную позицию и декларативные постулаты, по которым судить об истинных намерениях и целях ведущих акторов мировой политики достаточно трудно.

Связь между безопасностью и развитием обычно рассматривают в трех основных аспектах. *Во-первых*, развитие как процесс необратимого и закономерного прогрессивного изменения объектов или систем возможно только в случае их существования, а в случае разрушения или уничтожения никакая качественная трансформация не может осуществиться. В данном случае очевидно, что в условиях высокой вероятности разрушения более приоритетными являются задачи сохранения и защиты, чем качественного совершенствования. *Во-вторых*, развитие и безопасность связываются в гуманистическом плане. В данном контексте принципы гуманизма предполагают такую систему построения человеческого общества, в которой материальные и нематериальные ресурсы используются для того, чтобы сделать жизнь человечества максимально комфортной и безопасной. *В-третьих*, упоминание проблем безопасности и развития обычно происходит в контексте глобализации и построения безопасного будущего планеты в целом.

С точки зрения методологии, в публикациях западных авторов преобладают количественный подход, функциональный анализ, более активное использование

эконометрических моделей, в российских исследованиях – качественный и сущностный анализ в сочетании с оценкой количественных характеристик, выявление причинно-следственных связей на основании каузального анализа и субъективных оценок вместо исследования функциональных зависимостей и корреляционных связей.

В исследованиях целого ряда иностранных авторов социальной безопасности отводится значительная роль в обеспечении безопасности общества. В частности, социальной политике, уровню и качеству жизни населения приоритетное значение отдают С. Имрохороглу и С. Китао [2]. В социальном аспекте обеспечение экономической безопасности рассматривается также в работах К.К. Койл, Ф.Б. Левина [3], Д. Крюгера, Ф. Кублера [4], Дж.Р. Хайнеса-младшего, Т. Тейлора [5].

Английский термин *security* может также переводиться как «материальное обеспечение», «залог», поэтому рассматривается в ряде англоязычных публикаций в контексте национального дохода на макроэкономическом уровне [6] и финансового положения домохозяйств на микроуровне [7]. В работе С. Баззи и К. Блаттман уровень доходов определяет также безопасность развития экономики [8].

В исследованиях по безопасности, начиная с 1980-х гг., большое внимание уделяется экологическим проблемам. В публикациях зарубежных исследователей активно обсуждается широкий круг проблем экологической безопасности: от анализа стандартных экологических проблем – опустынивания, истощения стратосферного озона, снижения рыболовства, исчезновения видов тропических лесов и изменения климата [9] – до оценки воздействия на экономику, помимо климатических, социально-политических проблем, включая вопросы благосостояния, бедности, ограниченности ресурсов и риски крупномасштабной миграции и конфликтов [10].

В контексте экологической безопасности поднимаются проблемы ограниченности ресурсов, а также социальной дифференциации, бедности и неравенства, рассматриваются этнические и религиозные конфликты и столкновение культур, возникающие в качестве основных угроз национальной безопасности.

Один из наиболее активно цитируемых аналитиков по экологической безопасности – канадский ученый Т.Ф. Гомер-Диксон утверждает, что важнейшая проблема окружающей среды и безопасности – это возрастающий дефицит возобновляемых ресурсов, таких как пахотные земли, пресная вода и леса, которые необходимы для удовлетворения потребностей растущего населения. Экологический дефицит он считает основной причиной насилия [11]. Гомер-Диксон предлагает трехступенчатую логическую причинно-следственную связь экологической безопасности: ухудшение состояния окружающей среды в сочетании с перенаселенностью углубляет бедность и порождает гражданскую и межнациональную конкуренцию в отношении доступа к более дефицитным ресурсам. Бедность и социальные конфликты, в свою очередь, приводят к политической нестабильности и миграции «экологических беженцев», нестабильность и миграция в развивающихся странах закладывают основу для вооруженного гражданского и межэтнического конфликта, что создает реальные угрозы национальной безопасности развитых стран [11].

Подобный подход (называемый в некоторых источниках неомальтузианским) подвергается критике со стороны других исследователей, считающих анализ причин насильственных конфликтов, которые сводятся к экологическому дефициту и перенаселению, несколько упрощенным.

Так, М. Уоттс ставит под сомнение утверждение, что основным источником гражданского и этнического насилия является

конкуренция за доступ к ограниченным ресурсам, отмечая частые случаи этнической или гражданской борьбы в странах, богатых ресурсами высокой стоимости [12].

В своей совместной работе Н. Пелусо и М. Уоттс не отрицают, что ухудшение состояния окружающей среды способствует бедности и конфликтам, однако на первый план они выдвигают социально-политические причины насилия, механизмы доступа, контроля и борьбы за ресурсы [13].

Дж.Д. Сакс, оценивая стратегическое значение глобального неравенства, утверждает, что радикальный исламский терроризм рождается в образованных классах арабского мира и не имеет очевидного отношения к дефициту и ухудшению состояния окружающей среды [14].

Профессор И. де Сойса считает, что изобилие природных ресурсов в большей степени вызывает экологические проблемы, конфликты и насилие, чем редкость и ограниченность ресурсов [15]. Проведя исследование причин гражданских войн за период в течение последнего десятилетия XX в., он пришел к выводу, что жадность, а не обида, является основным мотивирующим фактором насилия, подтверждая свои выводы тесной эмпирической связью между экспортом сырьевых товаров и гражданскими войнами. Это исследование контрастирует с альтернативными предположениями о зависимости конфликтов от неудовлетворенных потребностей в сырьевых товарах. Анализ выборки данных о вооруженных конфликтах примерно в 138 странах за весь период после окончания холодной войны не подтверждает неомальтузианские взгляды на проблемы бедности, перенаселения и ограниченности ресурсов. Влияние плотности населения на количество вооруженных конфликтов не обусловлено дефицитом возобновляемых ресурсов. Неравный доступ к ресурсам и политическому угнетению, а не скудность окружающей среды является основным фактором конфликта.

Стоит отметить, что множество публикаций иностранных авторов посвящено проблемам бедности и неравенства как ключевым факторам, способствующим напряженности и нестабильности.

Л. Эндресс [16] также рассматривает взаимосвязь между дефицитом природных ресурсов, безопасностью и устойчивым развитием. Дефицит ресурсов провоцирует страх, который может подорвать благосостояние. В трактовке Эндресса безопасность и экономическое благополучие базируются на трех основных принципах устойчивого развития: 1) моделирование воспроизводства ресурсов на основе определения динамической эффективности сложных систем; 2) поддержание эффективных способов потребления и использования природных ресурсов; 3) справедливое распределение благосостояния между поколениями и правящей частью общества в настоящем и будущем.

Аналогичная трактовка экономической безопасности представлена в работе С.Э. Гейнса [17], в которой устойчивое развитие названо основным условием обеспечения безопасности. По мнению автора, анализ безопасности явно вышел за рамки традиционной ориентации на защиту от межгосударственных конфликтов и военную оборону, проблемы безопасности напрямую коррелируются с устойчивым развитием.

Он рассматривает термин «национальная безопасность» не только вкуче с традиционной ориентацией на безопасность государства, но и как безопасность людей и планеты.

Интеграция экономик и культур привела к тому, что наряду с объективной экологической целостностью планеты национальная безопасность связана с безопасностью планеты в целом. То же самое относится к безопасности людей. С этой точки зрения, государство, то есть нация и правительство, является не более чем конституционным представителем отдельных граждан страны,

действуя в их интересах. Отсюда, по мнению С.Э. Гейнса, в современном мире одна из самых важных целей национальных правительств – это обеспечение безопасности своих граждан.

Необходимость системного подхода к проблеме безопасности в соответствии с концепцией устойчивого развития обоснована Р. Мэтью, Т. Гаулином и Б. Макдональдом [18], которые исследовали несколько примеров положительной социальной и политической адаптации к решению экологических конфликтов. Результаты проведенных авторами исследовательских проектов свидетельствуют о значительной корреляции процессов, связанных с изменением окружающей среды и политических и социальных конфликтов. Исследователи предполагают, что для понимания социальных последствий изменения окружающей среды необходимо пересмотреть основные аргументы, связывающие окружающую среду и безопасность. В результате исследований авторы пришли к выводу, что ухудшение состояния окружающей среды не является ключевой проблемой безопасности, рассматривая вместо этого проблему в контексте социальной и политической обстановки, в триединой системе, связанной с концепцией устойчивого развития и экологической справедливостью.

Следовательно, концептуальные подходы к определению категории экономической безопасности относятся к таким категориям, как финансовое благосостояние и устойчивость, социальная стабильность и экологическая безопасность в условиях ограниченности ресурсов и конкурентной борьбы за доступ к дефицитным ресурсам. Описанные подходы используются также в контексте концепции устойчивого развития.

Однако существует мнение, что в основе концепций безопасности и устойчивого развития лежит стремление развитых стран обеспечить свою безопасность и сохранить существующий в них уровень социальной защищенности и благосостояния в свете

нарастающих угроз и вызовов, источником которых являются социально нестабильные и неблагополучные развивающиеся страны. По мнению М. Даффилда, это проявляется, во-первых, в усилении контроля над миграционными потоками и ограничениях возможностей для нежелательной миграции. Во-вторых, речь идет об изменении самого объекта обеспечения безопасности: вместо государства таковым чаще всего выступает человек, индивид, что выражается, в частности, в распространении концепции гуманитарной безопасности. В-третьих, происходит качественное усиление и усложнение взаимозависимости различных участников международных отношений и глобальных проблем. В совокупности эти факторы ведут к размыванию границ между внутри- и внешнеполитическими аспектами обеспечения безопасности и развития, охватывая все более широкий спектр вопросов, которые начинают восприниматься как потенциальные угрозы благосостоянию и безопасности [19].

Д. Чэндлер, критически настроенный по отношению к принципам устойчивого развития, отмечает, что универсальные для разных стран декларации приоритетности прав и интересов человека, безопасности человека или человеческого развития представляют собой своеобразные формы международного господства развитых в экономическом отношении стран, институционализации рыночного неравенства или восстановления традиционных иерархий власти, напоминающих колониальную эпоху [20].

Исследователь негативно относится к взаимосвязке понятий «безопасность» и «развитие», поскольку, по мнению Чэндлера, это приводит к расширению и размыванию давно известных понятий, обесцениванию их изначального значения, в результате чего отделить их друг от друга в теории становится весьма проблематично. Реальной же проблемой, с точки зрения ученого, является отсутствие согласованности в публичных декларациях отдельных международных

институтов и организаций и их реальных действиях [21]. Декларации и лозунги создают иллюзию внимания ведущих экономически развитых мировых держав к решению проблем развивающихся стран, а в реальности он видит в призывах к повышению устойчивости развития проявление последовательной стратегической линии на установление контроля над всеми сторонами общественной и частной жизни в развивающихся странах для обеспечения безопасности ведущих экономически более развитых держав.

В нашей стране исследования, связанные с перспективами развития цивилизации в условиях продолжающегося роста глобальной численности населения, активно велись учеными РАН. Так, В.Г. Горшков [22], исследовавший превышение темпов роста объемов производства продуктов питания, потребления энергии и масштабов экономической активности над темпами роста населения в течение второй половины XX в., утверждает, что человек превысил пределы допустимого возмущения глобальной экосистемы, что может привести к экологической катастрофе.

К.Я. Кондратьев, К.С. Лосев выделяют следующие проблемы социально-экономической и экологической динамики, угрожающие устойчивому и безопасному развитию планеты [23]:

- высокие темпы роста экономики (примерно в семь раз за 50 лет) в развитых странах, сопровождающиеся ростом глобальной дифференциации доходов и увеличением численности населения в развивающихся, то есть неравномерный рост численности населения происходит главным образом в уже перенаселенных странах наряду со старением населения развитых стран;
- существенное улучшение питания и повышение глобального урожая в три раза за период с 1950 г., осуществляемое ценой таких опасных экологических последствий, как падение уровня грунтовых вод, усиление

загрязнения природных вод в результате интенсивного применения удобрений и пестицидов и роста урбанизации;

- уменьшение биоразнообразия и нарушение механизмов биотической регуляции окружающей среды в результате изменения экологической обстановки, антропогенных воздействий на климат и слой озона.

Усиление неравенства и высокие различия в уровне жизни воспринимаются обществом как нарушение принципов социальной справедливости, в результате усиливаются социальные конфликты и уровень стрессов. Известно, что высокая дифференциация доходов населения может стать источником социальной нестабильности и привести к неэффективному использованию национальных ресурсов.

Наша страна прошла период реформирования экономики с 1991 по 2015 г. – так называемый период первоначального накопления капитала, в ходе которого усилилось социальное неравенство. Распределение общего объема денежных доходов населения по данным официальной статистики отражено в *табл. 1*.

Стоит отметить, что Федеральная служба государственной статистики (Росстат) занижает степень неравенства, что связано с существующей системой сбора информации, которая не учитывает теневой сектор. При этом высокие доходы, как правило, укрываются от налогов. Росстат определяет неравенство на основе статистики доходов. Учитывая высокую степень сокрытия доходов в России, результаты расчетов уровня неравенства на основании статистики расходов будут значительно отличаться от данных официальной статистики.

Тем не менее даже по данным Росстата прослеживается устойчивая тенденция к усилению неравенства; разрыв между доходами населения резко увеличился в первой половине 1990-х гг.

Сложившуюся ситуацию иллюстрирует график, представленный на *рис. 1*. Из

приведенных данных видно, что за исследуемый период произошел значительный сдвиг кривой Лоренца вправо, в сторону усиления неравенства.

Однако стоит отметить, что усиление неравенства – это общемировая тенденция, характерная для второй половины XX в., что связывается с быстрыми изменениями глобальной численности населения, биосферы, экономики и общества. Мировое производство и уровень жизни в развитых странах резко увеличились, что привело к усилению социально-экономических контрастов между развитыми и неблагополучными государствами. Углубляющиеся социальные контрасты можно проследить по данным о расходах на здравоохранение в отдельных странах.

В настоящее время затраты в мире на здравоохранение достигли примерно 3 трлн долл. США, здравоохранение сегодня становится одним из ведущих секторов мировой экономики. Однако в межстрановом аспекте распределение расходов характеризуется крайней неравномерностью. На страны с низким и средним доходом, в которых проживает 84% населения планеты, приходится лишь 11% общемировых затрат на здравоохранение, хотя на долю этих стран падает 93% ущерба от заболеваний. Так, в среднем мировые затраты на здравоохранение составляют 5% ВВП, но в США они достигают 13,7%, а в Сомали – лишь 1,5%. Соответственно, велики контрасты подушевых затрат на медицину: от 50 долл. США в год и меньше в самых бедных странах и до более чем 4 100 долл. – на одного жителя США [23].

Российский ученый А.П. Градов рассматривает угрозы экономической безопасности страны через здоровье нации и величину потерь, обусловленных его утратой. В результате этого наблюдаются значительные потери валового внутреннего продукта. Отсюда автор делает вывод о необходимости выбора приоритетов государственной инвестиционной политики в социальной сфере, включая инвестиции в

профилактическую медицину и здравоохранение. К профилактике заболеваний Градов также относит инвестиции в улучшение среды обитания, качество водоснабжения, переработку отходов, безопасность пищевых продуктов, рационализацию питания и пропаганду здорового образа жизни, экологию, уменьшение загрязнений атмосферы и водоемов и т.д. [24].

Причин роста заболеваемости населения можно назвать множество, например совершенствование способов диагностирования заболеваний и применение более современных технологий их обнаружения или, напротив, снижение качества медицинского обслуживания, ухудшение экологической обстановки, употребление генно-модифицированных продуктов питания, низкое качество окружающей среды и т.д.

Современное развитие рыночной экономики и падение уровня благосостояния населения содействуют росту утомляемости и увеличению заболеваемости. В данный момент в нашей стране остро стоит вопрос здоровья граждан. Рассмотрим ситуацию с заболеваемостью и оказанием лечебно-профилактической помощи населению, сложившуюся в Российской Федерации. Заболеваемость населения по отдельным классам болезней представлена на *рис. 2*. На кривых отражена динамика базисного темпа роста заболеваемости по наиболее проблемным группам болезней, заболеваемость по которым за годы трансформации экономики увеличилась в наибольшей степени.

Если оценивать общий уровень заболеваемости в целом, то в 2016 г. он увеличился по сравнению с 1991 г. на 16,4% при уменьшении численности населения на 3%. При этом в наибольшей степени это коснулось заболеваемости населения болезнями крови, кроветворных органов с нарушением иммунного механизма и болезнями системы кровообращения

(их число увеличилось почти в 3 раза); болезнями эндокринной системы и нарушением обмена веществ (число поставленных диагнозов выросло в 3,5 раза); врожденных пороков развития, деформаций и хромосомных нарушений, которых зафиксировано в 2,5 раза больше.

Кроме того, к концу 1990-х гг. резко увеличилась заболеваемость активным туберкулезом, к 2000 г. она выросла в 2,6 раза, в последующий период число заболевших снизилось. Количество диагнозов, связанных со злокачественными новообразованиями, выросло в 1,5 раза по сравнению с 1991 г.

Большую тревогу вызывает резкий рост зафиксированных случаев заболеваний ВИЧ-инфекцией за период с 1999 по 2016 г. За 25 лет число выявленных случаев увеличилось почти в 4,5 раза. После резкого увеличения выявленных случаев ВИЧ-инфекции в 2001 г. заболеваемость сократилась, однако в 2015 г. наблюдался новый всплеск заболеваемости. Эта тенденция отражена на *рис. 3*.

Отчасти рост статистики заболеваемости может быть связан с повышением качества диагностики и обнаружения заболеваний. Однако стоит отметить, что при росте зафиксированных случаев заболеваемости в нашей стране происходят серьезные изменения в системе здравоохранения. Число больничных организаций уменьшилось более чем вдвое, число больничных коек сократилось почти на 40%, а детских – еще больше. При этом численность врачей, интенсивность их работы в поликлиниках и число посещений пациентов в смену возросли. Статистические данные по состоянию дел с оказанием лечебно-профилактической помощи населению в медицинских организациях представлены в *табл. 2*.

Как показывают данные *табл. 2*, в целях уменьшения государственных расходов на здравоохранение прослеживается тенденция сокращения стационарного лечения и замены его на амбулаторное.

Динамика как экологической системы нашей планеты, так и социума характеризуется наличием пороговых значений и резких критических изменений. Это концептуальное положение лежит в основе определения границ безопасности и роднит экономическую, экологическую и социальную составляющие устойчивого развития. При этом продолжение осуществления хозяйственной деятельности по принципу экономической целесообразности и максимизации дохода с ориентацией на чисто экономические интересы непригодно как для экологии Земли, так и здоровья ее населения.

Как отмечает Г.Б. Клейнер, в последние годы уровень коммерциализации экономики многократно превысил не только оптимальный, но и предельно допустимый, что привело к негативным последствиям [25].

Многие проблемы современного российского общества, такие как недиверсифицированная структура национального производства, рост коррупции, неравенство доходов граждан, проблемы в области фундаментальной и прикладной науки, образования, медицины, культуры автор связывает с приоритетностью коммерческих критериев оценки эффективности экономической деятельности. Коммерциализация российской экономики, по мнению Клейнера, приводит к демотивации участников экономической деятельности, низкой конкурентоспособности национального производства и деформации системы ценностей общества, в котором человек утрачивает способность к коллективным взаимодействиям.

В связи с этим представляется, что проблемы экологии и здравоохранения включают в себе сохранение условий и возможностей жизни и здоровья для будущих поколений. Проблема низкой продолжительности жизни населения и высокой преждевременной смертности связана с высокой заболеваемостью, низким финансированием системы здравоохранения и нехваткой квалифицированных медицинских кадров. Однако речь следует вести не только о

высококвалифицированных медицинских кадрах, но и особенностях оценки эффективности деятельности медицинских учреждений на основе не экономической, а клинической результативности лечения пациентов.

Очевидно, что обеспечение достойного качества жизни людей, недопущение экологической и социальной деградации, ухудшения экологической обстановки являются ключевыми требованиями и для развития экономики в целом. В условиях социальных контрастов даже самые современные разработки в области медицины не смогут остановить распространение новых эпидемических заболеваний.

В связи с этим управление, основанное на принципах максимизации личного обогащения, чревато угрозой внезапных кризисов и катастроф. При этом использование грамотной системы мотивации, в том числе основанной и на материальных стимулах, является важнейшим инструментом для достижения поставленных целей.

Что же касается институциональных особенностей разных стран мира и разного уровня их экономического и социального развития, то отношение к идее обеспечения безопасного и комфортного существования будущим поколениям может быть принципиально различным.

Сама идея устойчивого развития родилась в развитых странах, достигших достаточно высокого уровня социального и экономического развития. Однако развивающиеся страны, уровень жизни в которых кардинально отличается от первых и значительная часть населения которых находится за гранью нищеты, не могут инвестировать достаточные средства в реализацию идеи устойчивого развития, поскольку перед ними стоят задачи удовлетворения в первую очередь физиологических потребностей населения, первостепенных по сравнению с потребностями в развитии.

Научная мысль вплотную подошла к развитию общества. Направления междисциплинарному решению проблемы реформирования экономики, развития теории совместного рассмотрения стадии и методологии управления экономической технологического, экологического и социально-экономического развития. Так, исследовать безопасность должны учитывать и стадию инновационного и технологического и трактовать также характерные особенности России, включая климатические, географические и геополитические, исторический путь развития и менталитет населения.

Таблица 1**Распределение денежных доходов населения России в 1991–2016 гг., %****Table 1****Allocation of the Russian population's income, 1991–2016, percentage**

Показатель	1991	1995	2000	2005	2010	2016
Общий объем денежных доходов	100	100	100	100	100	100
В том числе по 20%-ным группам населения:	11,9	6,1	5,9	5,4	5,2	5,3
– первая (с наименьшими доходами)	15,8	10,8	10,4	10,1	9,8	10
– вторая	18,8	15,2	15,1	15,1	14,8	15
– третья	22,8	21,6	21,9	22,7	22,5	22,6
– четвертая	30,7	46,3	46,7	46,7	47,7	47,1
– пятая (с наибольшими доходами)						
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	0,26	0,39	0,4	0,41	0,42	0,41

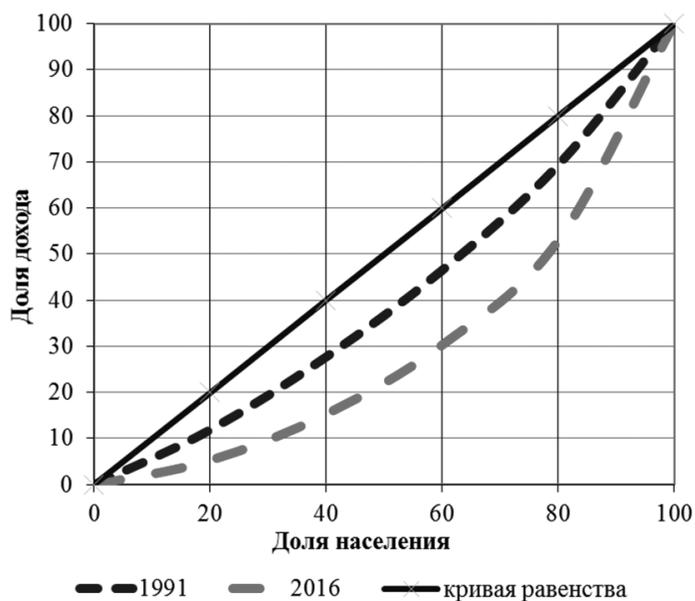
Источник: данные Росстата*Source:* The Federal State Statistics Service data

Таблица 2**Динамика количества врачебных организаций и численности врачей в 1992–2016 гг.****Table 2****Trends in the number of medical institutions and number of doctors in 1992–2016**

Показатель	1992	1995	2000	2005	2015	2016	Изменение, % к 1992 г.
Число больничных организаций, тыс.	12,6	12,1	10,7	9,5	5,4	5,4	-57,1
Число больничных коек, тыс.	1 939,5	1 850,5	1 671,6	1 575,4	1 222	1 197,2	-38,3
Из числа всех коек – койки для детей, тыс.	284,6	267,8	228,6	200,3	163,5	158,5	-44,3
Число больничных коек на 10 000 чел. населения	130,6	125,8	115	110,9	83,4	81,6	-37,5
Число врачебных амбулаторно-поликлинических организаций, тыс.	20,7	21,1	21,3	21,8	18,6	19,1	-7,7
Мощность врачебных амбулаторно-поликлинических организаций на 10 000 чел. населения, посещений в смену	223,5	235,1	243,2	256	263,5	266,6	+19,3
Численность врачей на 10 000 чел. населения	42,9	44,4	46,8	48,6	45,9	46,4	+8,2

Источник: данные Росстата

Source: The Federal State Statistics Service data

Рисунок 1**Сдвиг кривой Лоренца в России в 1991–2016 гг.****Figure 1****The shift of the Lorenz curve in Russia, 1991–2016**

Источник: построено автором по данным Росстата

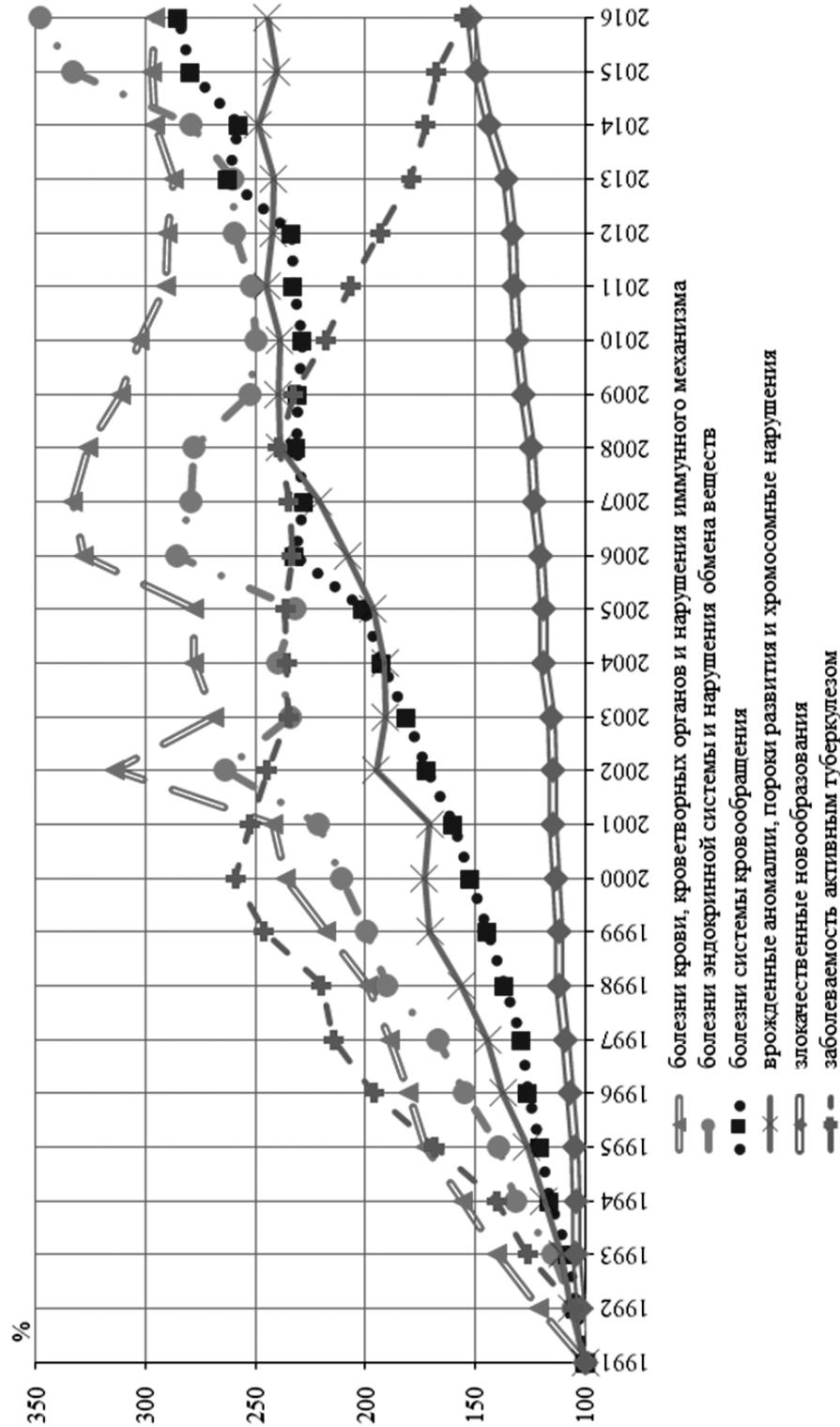
Source: Authoring, based on the Federal State Statistics Service data

Рисунок 2

Рост заболеваемости населения РФ в 1991–2016 гг. по отдельным видам заболеваний (1991 г. – 100%)

Figure 2

An increase in the Russian population's morbidity in 1991–2016 as to certain types of diseases (1991 taken as 100 percent)



Источник: построено автором по данным Росстата

Source: Authoring, based on the Federal State Statistics Service data

Рисунок 3**Рост заболеваемости ВИЧ-инфекцией в 1999–2016 гг. (1999 г. – 100%)****Figure 3****An increase in HIV instances, 1999–2016 (1999 taken as 100 percent)**

Источник: построено автором по данным Росстата

Source: Authoring, based on the Federal State Statistics Service data

Список литературы

1. Юдин Н.В. Связка «безопасность – развитие»: проблемы теоретического осмысления // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2016. № 1. С. 39–71.
2. Selahattin I., Kitao S. Social Security Reforms: Benefit Claiming, Labor Force Participation, and Long-Run Sustainability // American Economic Journal: Macroeconomics. 2012. Vol. 4. No. 3. P. 96–127. URL: <https://doi.org/10.1257/mac.4.3.96>
3. Courtney C.C., Levine Ph.B. Recessions, Retirement and Social Security // The American Economic Review. 2011. Vol. 101. No. 3. P. 23–28. URL: <https://doi.org/10.1257/aer.101.3.23>
4. Krueger D., Kubler F. Pareto-Improving Social Security Reform When Financial Markets Are Incomplete!? // The American Economic Review. 2006. Vol. 96. No. 3. P. 737–755. URL: <https://www.jstor.org/stable/30034069>
5. Hines J.R. Jr., Taylor T. Shortfalls in the Long Run: Predictions about the Social Security Trust Fund // Journal of Economic Perspectives. 2005. Vol. 19. No. 2. P. 3–9. URL: <https://doi.org/10.1257/0895330054048759>
6. Azzimonti M., Francisco E., Quadrini V. Financial Globalization, Inequality, and the Rising Public Debt // The American Economic Review. 2014. Vol. 104. No. 8. P. 2267–2302. URL: <https://www.jstor.org/stable/42920889>
7. Karen D.E. Changing Household Financial Opportunities and Economic Security // Journal of Economic Perspectives. 2009. Vol. 23. No. 4. P. 49–68. URL: <https://doi.org/10.1257/jep.23.4.49>

8. *Bazzi S., Blattman C.* Economic Shocks and Conflict: Evidence from Commodity Prices // *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2014. Vol. 6. No. 4. P. 1–38.
URL: <https://doi.org/10.1257/mac.6.4.1>
9. *Ramlogan R.* The Environment and International Law: Rethinking the Traditional Approach // *Vermont Journal of Environmental Law*. 2001–2002. Vol. 3.
URL: <http://vjel.vermontlaw.edu/publications/the-environmental-and-international-law-rethinking-the-traditional-approach>
10. *Stern N.* The Structure of Economic Modeling of the Potential Impacts of Climate Change: Grafting Gross Underestimation of Risk onto Already Narrow Science Models // *Journal of Economic Literature*. 2013. Vol. 51. No. 3. P. 838–859. URL: <https://doi.org/10.1257/jel.51.3.838>
11. *Homer-Dixon T.F.* *Environment, Scarcity, and Violence*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1999. 253 p.
12. *Watts M.* Petro-Violence: Community, Extraction, and Political Ecology of a Mythic Commodity // *Violent Environments*. 2001. P. 189–212.
13. *Peluso N., Watts M.* *Violent Environments: Responses* // ECSP REPORT. 2003. Iss. 9. P. 93–96.
14. *Sachs J.D.* The Strategic Significance of Global Inequality // ECSP REPORT. 2003. Iss. 9. P. 27–35.
15. *De Soysa I.* Paradise is a Bazaar? Greed, Creed, and Governance in Civil War, 1989–99 // *Journal of Peace Research*. 2002. Vol. 39. No. 4. P. 395–416.
URL: <https://doi.org/10.1177/0022343302039004002>
16. *Lee H.E.* Scarcity, Security, and Sustainable Development. In: *Sustainable Economic Development. Resources, Environment and Institutions*. Academic Press, 2015. P. 49–66.
URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-800347-3.00003-0>
17. *Gaines S.E.* Sustainable Development and National Security // *William & Mary Environmental Law and Policy Review*. 2006. Vol. 30. Iss. 2. P. 321–370.
18. *Matthew R.A., Gaulin T., McDonald B.* The Elusive Quest: Linking Environmental Change and Conflict // *Canadian Journal of Political Science*. 2003. Vol. 36. No. 4. P. 857–878.
19. *Duffield M.* The Liberal Way of Development and the Development–Security Impasse: Exploring the Global Life-Chance Divide // *Security Dialogue*. 2010. Vol. 41. Iss. 1. P. 53–76.
URL: <https://doi.org/10.1177/0967010609357042>
20. *Chandler D.* Rethinking the Conflict–Poverty Nexus: From Securitized Intervention to Resilience // *Stability: International Journal of Security and Development*. 2015. Vol. 4. No. 1. P. 1–14.
URL: <https://doi.org/10.5334/sta.fb>
21. *Chandler D.* The Security–Development Nexus and the Rise of ‘Anti-Foreign Policy’ // *Journal of International Relations and Development*. 2007. Vol. 10. Iss. 1. P. 362–386.
URL: <https://doi.org/10.1057/palgrave.jird.1800135>
22. *Горшков В.Г.* Энергетика биосферы и устойчивость окружающей среды. В кн.: *Итоги науки и техники. Сер. Теоретические и общие вопросы географии*. Т. 7. М.: ВИНТИ, 1990. 236 с.
23. *Кондратьев К.Я., Лосев К.С.* Иллюзии и реальность стратегии устойчивого развития // *Вестник Российской академии наук*. 2002. Т. 72. № 7. С. 592–601.

24. Градов А.П. Экономическая безопасность страны и приоритеты инвестиционной политики // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 70–78.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/ekonomicheskaya-bezopasnost-strany-i-prioritety-investitsionnoy-politiki>
25. Клейнер Г.Б. Декоммерциализация экономики как культурный проект (на пути к созданию культурологической теории экономики) // Гуманитарий Юга России. 2015. № 2. С. 140–146.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/dekommertsializatsiya-ekonomiki-kak-kulturnyy-proekt-na-puti-k-sozdaniyu-kulturologicheskoy-teorii-ekonomiki>

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

SOCIAL AND ENVIRONMENTAL ASPECTS OF ECONOMIC SECURITY AS PART OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT CONCEPT

Irina V. VYAKINA

Tver State Technical University (TvSTU), Tver, Russian Federation
vyakina@yahoo.com
<https://orcid.org/0000-0003-1925-2286>

Article history:

Received 16 August 2018
Received in revised form
4 September 2018
Accepted 28 September 2018
Available online
14 December 2018

JEL classification: O11, O13,
Q01, Q56, Q57

Keywords: economic
security, national security,
sustainable development,
national priorities, public
health

Abstract

Subject Traditional views of national security have been superseded with more vague and general understanding of the concept as part of the sustainable development concept. It particularly concerns economic and environmental security.

Objectives The research systematizes and theoretically generalizes the concepts of economic security and sustainable development, substantiates their mutual relation given resources are scarce. I examine social and environmental threats to sustainable development and economic security.

Methods The research is based on traditional methods of research, such as analysis and synthesis, observation, induction and deduction, systems approach, graphical method.

Results I pointed out key characteristics that are common to scientific approaches to economic security and sustainable development. The article indicates challenging issues from social and environmental perspectives, which threaten to sustainable and safe development. I unveil economic security threats which arise from the disparity in income, national health and effectiveness of medical treatment and preventive services to the Russian people.

Conclusions and Relevance Environmental and health care issues should be addressed in order to preserve appropriate conditions for life and health of generations to come. Profit-driven business operations and pursuit of economic goals are unacceptable for the ecology of the Earth and public health. Hence, the society has to ensure sustainable social and economic development and concurrently prevent the deterioration of the social and environmental situation. The motivational mechanism, which *inter alia* implies financial incentives, is a crucial tool to achieve the goals.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2018

Please cite this article as: Vyakina I.V. Social and Environmental Aspects of Economic Security as Part of the Sustainable Development Concept. *National Interests: Priorities and Security*, 2018, vol. 14, iss. 12, pp. 2259–2276.
<https://doi.org/10.24891/ni.14.12.2259>

Acknowledgments

The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 18-010-00083.

References

1. Yudin N.V. [Security-development nexus: Dilemmas of conceptualization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika = Moscow University Journal of World Politics*, 2016, no. 1, pp. 39–71. (In Russ.)
2. Selahattin I., Kitao S. Social Security Reforms: Benefit Claiming, Labor Force Participation, and Long-Run Sustainability. *American Economic Journal: Macroeconomics*, 2012, vol. 4, no. 3, pp. 96–127. URL: <https://doi.org/10.1257/mac.4.3.96>
3. Courtney C.C., Levine Ph.B. Recessions, Retirement and Social Security. *The American Economic Review*, 2011, vol. 101, no. 3, pp. 23–28. URL: <https://doi.org/10.1257/aer.101.3.23>

4. Krueger D., Kubler F. Pareto-Improving Social Security Reform When Financial Markets Are Incomplete!? *The American Economic Review*, 2006, vol. 96, no. 3, pp. 737–755.
URL: <https://www.jstor.org/stable/30034069>
5. Hines J.R.Jr., Taylor T. Shortfalls in the Long Run: Predictions about the Social Security Trust Fund. *Journal of Economic Perspectives*, 2005, vol. 19, no. 2, pp. 3–9.
URL: <https://doi.org/10.1257/0895330054048759>
6. Azzimonti M., Francisco E., Quadrini V. Financial Globalization, Inequality, and the Rising Public Debt. *The American Economic Review*, 2014, vol. 104, no. 8, pp. 2267–2302.
URL: <https://www.jstor.org/stable/42920889>
7. Karen D.E. Changing Household Financial Opportunities and Economic Security. *Journal of Economic Perspectives*, 2009, vol. 23, no. 4, pp. 49–68. URL: <https://doi.org/10.1257/jep.23.4.49>
8. Bazzi S., Blattman C. Economic Shocks and Conflict: Evidence from Commodity Prices. *American Economic Journal: Macroeconomics*, 2014, vol. 6, no. 4, pp. 1–38.
URL: <https://doi.org/10.1257/mac.6.4.1>
9. Ramlogan R. The Environment and International Law: Rethinking the Traditional Approach. *Vermont Journal of Environmental Law*, 2001–2002, vol. 3.
URL: <http://vjel.vermontlaw.edu/publications/the-environmental-and-international-law-rethinking-the-traditional-approach>
10. Stern N. The Structure of Economic Modeling of the Potential Impacts of Climate Change: Grafting Gross Underestimation of Risk onto Already Narrow Science Models. *Journal of Economic Literature*, 2013, vol. 51, no. 3, pp. 838–859. URL: <https://doi.org/10.1257/jel.51.3.838>
11. Homer-Dixon T.F. *Environment, Scarcity, and Violence*. Princeton, N.J., Princeton University Press, 1999, 253 p.
12. Watts M. Petro-Violence: Community, Extraction, and Political Ecology of a Mythic Commodity. *Violent Environments*, 2001, pp. 189–212.
13. Peluso N., Watts M. Violent Environments: Responses. *ECSP REPORT*, 2003, iss. 9, pp. 93–96.
14. Sachs J.D. The Strategic Significance of Global Inequality. *ECSP REPORT*, 2003, iss. 9, pp. 27–35.
15. De Soysa I. Paradise Is a Bazaar? Greed, Creed, and Governance in Civil War, 1989–99. *Journal of Peace Research*, 2002, vol. 39, no. 4, pp. 395–416.
URL: <https://doi.org/10.1177/0022343302039004002>
16. Lee H.E. Resources, Environment and Institutions. In: *Sustainable Economic Development. Scarcity, Security, and Sustainable Development*. Academic Press, 2015, pp. 49–66.
URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-800347-3.00003-0>
17. Gaines S.E. Sustainable Development and National Security. *William & Mary Environmental Law and Policy Review*, 2006, vol. 30, iss. 2, pp. 321–370.
18. Matthew R.A., Gaulin T., McDonald B. The Elusive Quest: Linking Environmental Change and Conflict. *Canadian Journal of Political Science*, 2003, vol. 36, no. 4, pp. 857–878.
19. Duffield M. The Liberal Way of Development and the Development–Security Impasse: Exploring the Global Life–Chance Divide. *Security Dialogue*, 2010, vol. 41, iss. 1, pp. 53–76.
URL: <https://doi.org/10.1177/0967010609357042>

20. Chandler D. Rethinking the Conflict-Poverty Nexus: From Securitizing Intervention to Resilience. *Stability: International Journal of Security and Development*, 2015, vol. 4, no. 1, pp. 1–14. URL: <https://doi.org/10.5334/sta.fb>
21. Chandler D. The Security-Development Nexus and the Rise of ‘Anti-Foreign Policy’. *Journal of International Relations and Development*, 2007, vol. 10, iss. 1, pp. 362–386. URL: <https://doi.org/10.1057/palgrave.jird.1800135>
22. Gorshkov V.G. *Energetika biosfery i ustoichivost' okruzhayushchei sredy. V kn.: Itogi nauki i tekhniki. Ser. Teoreticheskie i obshchie voprosy geografii. T. 7* [Energy of the biosphere and sustainability of the environment. In: S&T results. Series Theoretical and General Issues of Geography. Volume 7]. Moscow, VINITI Publ., 1990, 236 p.
23. Kondrat'ev K.Ya., Losev K.S. [Illusions and reality of sustainable development strategy]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk = Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2002, vol. 72, no. 7, pp. 592–601. (In Russ.)
24. Gradov A.P. [Economic security of the country and investment policy priorities]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii = Economic of Contemporary Russia*, 2001, no. 3, pp. 70–78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/ekonomicheskaya-bezopasnost-strany-i-prioritety-investitsionnoy-politiki> (In Russ.)
25. Kleiner G.B. [Decommercialization of the economy as a cultural project (striving to create a cultural theory of economics)]. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanitarians of the South of Russia*, 2015, no. 2, pp. 140–146. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/dekommertsializatsiya-ekonomiki-kak-kulturnyy-proekt-na-puti-k-sozdaniyu-kulturologicheskoy-teorii-ekonomiki> (In Russ.)

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.